

— Тинтин, говори, — улыбка Ли Чэня исчезла. Из-за молчания Цзи Шаотина, из-за чувства вины и страха он стал особенно агрессивным, даже тон его стал жёстче. — Я сказал, говори!

— Я понимаю!

Цзи Шаотин наконец не выдержал:

— Но тебе действительно обязательно нужен секс?!

В его груди царил хаос, и единственное, что было ясно, — это то, что он находил чрезмерное сексуальное желание Ли Чэня отвратительным.

Цзи Шаотин всегда был воздержанным, но он также понимал потребности Ли Чэня. В конце концов, снять напряжение было естественно, но почему он не мог использовать обычные методы?

Ли Чэнь молчал около полуминуты, прежде чем снова заговорить:

— Ты действительно не можешь забыть ту ночь в Великобритании.

Не только ту ночь в Великобритании, подумал Цзи Шаотин, но и ту ночь, когда ты чуть не изменил, но не смог.

— Действительно ли это так важно? — Ли Чэнь медленно повторил вопрос Цзи Шаотина.

Цзи Шаотин, слушая, уже пожалел, что высказал свои истинные мысли. Они с Ли Чэнем просто не могли понять друг друга, так зачем было говорить правду:

— Всё в порядке, Ачэнь, забудь, что я сказал...

— Если ты понимаешь мои чувства, — Ли Чэнь прервал его на полуслове, — то ты должен понимать, что моё желание быть с тобой в таких отношениях — это нормально.

Цзи Шаотин не мог не почувствовать отвращение: опять этот тон, как будто всё само собой разумеется.

Ли Чэнь продолжил свои безапелляционные слова:

— Я хочу быть с тобой, потому что ты очень привлекателен. Разве это не хорошо? Если бы у меня не было к тебе желания, тебе следовало бы беспокоиться.

Вот, он уже говорил: они с Ли Чэнем просто не могли понять друг друга, так зачем было говорить правду?

Поэтому Цзи Шаотин принял вид виноватого и сказал, что понял. Ли Чэнь ответил, что хорошо:

— Если что-то тебя беспокоит, нужно говорить об этом. Если ты будешь держать это в себе, я не узнаю, и мы не сможем всё обсудить.

Оказывается, для Ли Чэня это было «обсуждением» — несколько слов, произнесённых учительским тоном. Он думал, что помог Цзи Шаотину, но не заметил его отстранённости. Цзи Шаотин почему-то даже хотел засмеяться.

— В будущем я буду рассказывать тебе всё, — теперь Цзи Шаотин мог врать без тени

смущения. Рядом с Ли Чэнем он стал очень плохим человеком. — Сейчас нужно поскорее придумать, как вернуться домой. Мама ждёт, ещё нужно разрезать торт... Ачэнь, посмотри, тебе не кажется, что дождь стал слабее?

Цзи Шаотин врал, дождь не ослабел ни на каплю, но он больше не хотел продолжать эту изматывающую беседу с Ли Чэнем. Дома, с тётёй Чэнь, ему было бы гораздо легче.

Ли Чэнь выглянул наружу и сказал:

— Сейчас холодно, если промокнешь, можешь простудиться. Давай подождём немного. Дождь скоро закончится, ты только начал жить на юге, такие ливни быстро проходят.

Цзи Шаотин молча ждал, чувствуя, что за всю жизнь не видел такого долгого дождя.

Ли Чэнь же думал совсем иначе. Он обнял Цзи Шаотина сзади, поцеловал его в ухо и прошептал:

— И вообще, если дождь не прекратится, это тоже хорошо.

Этот дождь был не просто дождём, а сном, окутывающим их белой дымкой.

Ли Чэнь был доволен этим неожиданным изменением погоды, которое дало ему прекрасную возможность объясниться с Цзи Шаотином и развеять его сомнения. Он прижался к уху Цзи Шаотина, и его шёпот был полон нежности:

— Если ты чувствуешь, что ещё не готов, я обещаю, мы можем действовать медленно.

Первой мыслью Цзи Шаотина было: «Ложь».

Если бы Ли Чэнь действительно хотел действовать медленно, он бы не торопился выведать у него ответ, а сейчас не продолжал бы спрашивать:

— Хорошо?

Цзи Шаотин смотрел вглубь дождя, где высокие и низкие здания терялись в наступающей темноте.

— Хорошо? Тинтин, хорошо?

Цзи Шаотин уже научился подыгрывать, с фальшивой улыбкой ответив:

— Хорошо.

Дождь действительно скоро прекратился, и Цзи Шаотин уже хотел выйти из-под тёмного навеса, как Ли Чэнь снова остановил его.

Он обернулся и заметил, что выражение лица Ли Чэня отличалось от обычного, но чем именно, он не мог сказать. Он услышал, как Ли Чэнь произнёс:

— Мне нужно сказать последнее.

Цзи Шаотин остался на месте, вежливо ответив:

— Тогда говорите.

Ли Чэнь убрал руку, опустил её вдоль тела и стал очень серьёзным. Цзи Шаотин подумал, что, должно быть, сейчас будет объявлено что-то чрезвычайно важное.

Но это было не важное объявление. Ли Чэнь даже понизил голос, и в его словах была неестественная скованность:

— Та ночь в Великобритании... У меня не хватило самоконтроля, я не подумал, что это твой первый раз, и напугал тебя. Тинтин...

Цзи Шаотин широко раскрыл глаза, видя, как Ли Чэнь делает глубокий вдох, и его губы произносят три слова, которые он никогда не ожидал услышать:

— Прости меня.

Кровь Цзи Шаотина мгновенно застыла в жилах, его тело и разум стали тяжёлыми и неподвижными.

Ли Чэнь спросил, что с ним, и он открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Ли Чэнь нахмурился, вернувшись к своему обычному тону:

— Неужели это так удивительно?

Это был настоящий Ли Чэнь.

Эти отношения были обречены на гибель, и их нельзя было оживить тремя простыми словами. Ли Чэнь жульничал, он не мог ранить его так много раз, а потом дать такую яркую надежду, обманывая себя, что он всё ещё может любить.

Цзи Шаотин успокоил своё смятённое сердце, сделал глубокий вдох и сказал:

— Всё в порядке, пойдём домой.

Утро после дождя было особенно ясным, и в родном городе Цзи Шаотина тоже перестал идти снег. Их самолёт приземлился без проблем, и, выйдя из зоны прибытия, они увидели одетого в строгий костюм Цзи Линьчжана. Сердце Цзи Шаотина, напряжённое с тех пор, как он услышал «Прости меня», наконец расслабилось.

Он вырос под присмотром старшего брата, и рядом с ним он чувствовал себя в безопасности. Нестабильное состояние Ли Чэня, которое вызывало у Цзи Шаотина беспокойство, теперь можно было временно игнорировать.

Он чуть не бросился в объятия Цзи Линьчжана, но, сделав два шага, остановился, послушно оставаясь рядом с Ли Чэнем.

Цзи Линьчжан сейчас находился на подъёме в карьере, и, хотя он всегда был его надёжной опорой, он не мог доставлять ему слишком много хлопот.

Если бы он, как обычно после долгой разлуки, обнял своего брата, Ли Чэнь бы точно стал мрачнее тучи, что создало бы трудности для брата.

Хотя Цзи Шаотин прекрасно понимал, что его брат уже давно заметил, что в их отношениях что-то не так.

Поэтому, отвёзши их на машине в дом Цзи, Цзи Линьчжан тихо сказал Цзи Шаотину:

— Сейчас неудобно говорить, мне нужно встретиться с клиентом. Вечером найди повод зайти в мою комнату.

Вернувшись в настоящий дом, Цзи Шаотин постепенно ожил, и его прежняя игривость вернулась:

— Хорошо, господин Цзи, без проблем, господин Цзи. Массаж от ста юаней, остальное — отдельная цена.

— ...Мистер Ли смотрит в нашу сторону.

Цзи Шаотин мгновенно выпрямился, а затем понял, что Цзи Линьчжан шутит, и Ли Чэнь всё ещё разговаривал с его матерью, не обращая на них внимания. Он с раздражением выкрикнул имя:

— Цзи Линьчжан!

Но тот только вздохнул:

— Ты действительно его боишься.

Он похлопал Цзи Шаотина по плечу, сказав старшим братом:

— Вечером не забудь зайти.

Дом Цзи тоже был виллой, хотя и не такой роскошной, как дом Ли Чэня. Комнаты уже были подготовлены: тётя Чэнь жила в отдельной гостевой комнате, а Ли Чэнь и Цзи Шаотин — в прежней комнате Цзи Шаотина.

Мать Цзи Шаотина вела себя очень тепло, особенно любезно обращаясь с Ли Чэнем, подавая чай и воду, выражая сочувствие усталости от дороги, желая хорошего отдыха, говорила, чтобы он чувствовал себя как дома, и так далее. Ли Чэнь привык к лесте и не видел в этом ничего плохого, но Цзи Шаотин, стоявший рядом, покрылся мурашками.

Наконец он не выдержал и сказал матери, что хватит, они с утра в пути, пусть мистер Ли сначала примет душ.

Комната Цзи Шаотина была не слишком просторной, так как он редко бывал дома, и в ней не осталось жизненной энергии. Кровать, шкаф, письменный стол — от стен до пола всё было чисто, без лишних украшений.

За стеклянной дверью была небольшая терраса, где раньше стояли цветы, но их уже перенесли в другое место. Ли Чэнь, выглянув наружу, увидел пустую террасу, а в саду сухие ветви заполняли большую часть неба.

Цзи Шаотин настроил температуру воды и предложил Ли Чэню пойти принять душ, а сам начал распаковывать чемодан.